

*Папе, который немного работал ковбоем,
и маме, которая всегда была врачом*

Выходить замуж надо исключительно по любви. Столько раз, сколько потребуется — пока не найдешь настоящую.

Жа Жа Габор

Чудесно, что существует институт брака. Но кому захочется жить в институте?

Граучо Маркс

ПРОЛОГ

Штат Теннесси, 1998 год

Да-да, вы не ошиблись. Доктор Говард Стоваль Беннет-третий к вашим услугам!

Посмотрим, что вы там принесли — только передайте, пожалуйста, лупу. О да! Вот он я, в потрепанной ковбойской шляпе в окружении дам. Помню, мне пришлось переехать шляпу дилижансом, чтобы придать ей должный вид. Сколько мне тут лет?.. Двадцать четыре, двадцать пять... Даже не верится!.. Беден как церковная мышь, зато молод и красив. Великая депрессия, работы нет... Я хватался за все подряд. Нанялся на ранчо для разведенных женщин в окрестностях Рино. Изображать ковбоя гораздо лучше, чем рыть канавы для канализации, уж поверьте.

Некоторые мужчины — прирожденные дамские угодники, а меня жизнь заставила. Я любил так отшучиваться, когда медсестры или доктора хвалили мою обходительность с пациентами. Некоторые идиоты утверждают, якобы этому нельзя научиться. Чушь собачья! Дело нехитрое, если иметь каплю

В ДРУГОЙ РАЗ ПОВЕЗЕТ!

мозгов и немного сострадания. Просто посмотри больному в глаза и дай пожаловаться. И — ради всего святого — если у тебя холодные руки, потри их хорошенько или согрей в горячей воде перед осмотром!

Хотя я шучу про дамских угодников. И уж точно я не альфонс! Ковбои на ранчо «Скачок в будущее» служили лишь украшением. Да и нам связи с гостями были категорически запрещены и карались увольнением. Мы вели хозяйство, однако основной нашей обязанностью было сопровождать обычно убитых горем состоятельных клиенток в Рино, тащить пакеты из магазина в магазин, а также организовывать конные прогулки по пустыне. А также болтать о погоде, при необходимости сочувственно выслушивать жалобы и при всяком удобном случае делать комплименты. По-моему, для врача — самые необходимые навыки.

Да вы лучше возьмите стул, присядьте! С удовольствием расскажу все, что помню. Записывать? Записывайте, я не возражаю. Мне только в радость — после многолетнего-то молчания! Я предпочитал не распространяться о прошлом — ковбои обычно вызывают ассоциации из бульварных романов, и не объяснишь, как оно на самом деле было. Хотя сам я не лучше, тоже иронизировал, а зря. Мы делали важное дело, помогали пережить нелегкий период. Именно там я познал все тонкости человеческих страданий и суть доброты. Бесценный опыт!

ДЖУЛИЯ КЛЭЙБОРН ДЖОНСОН

Посмотрим, кого я еще узнаю на фотографии... Имена и фамилии, говорите? Ну я попробую. Вот этот ковбой — мой напарник, Сэм. Напоминает Гэри Купера в фильме «Ровно в полдень», правда? Что? Не видели? О, вы много потеряли! Хороший фильм! Только на прошлой неделе его показывали поздним сеансом. Я полночи не спал. Один из плюсов пенсионного возраста — не надо рано вставать. Хоть весь день проспал, никто не хватится.

Фамилия у Сэма была Виттори, насколько я помню. А вот этот джентльмен в строгом костюме — Макс. Максвелл Грегори. До ранчо владел бизнесом в Чикаго. Потом устал от большого города и переехал в Рино в поисках новых бизнес-проектов и свежего воздуха. А эта кудрявая брюнетка с ямочками, как у Ширли Темпл, — Маргарет, его спутница жизни и деловой партнер. Она управлялась с хозяйством, вела бухгалтерию и служила эталоном житейской мудрости. Между прочим, именно она вычитала о «бракоразводном ранчо» в телевизионном журнале, подала идею Максусу, они купили ферму, и началось... Идея расторгнуть неудавшиеся браки и начинать жизнь с чистого листа была тогда сравнительно новой, и все желающие ехали за свободой в Рино. Дело в том, что после шести недель непрерывного пребывания вы становились гражданином Невады и по закону штата получали развод. Можете снова попытаться счастья на семейном поприще, если хотите. С первой попытки

В ДРУГОЙ РАЗ ПОВЕЗЕТ!

не удалось, удастся со второй... или с третьей... Кто не рискует, тот не пьет шампанского, верно?

О чем это я? Так вот, Макс выписал из Голливуда художника по декорациям, чтобы оформить ферму в стиле Дикого Запада. Как в кино — гигантские валуны, полянь, деревянная изгородь и всякое такое. Маргарет переименовала ферму в «ранчо» и установила современные удобства, без которых наша клиентура вряд ли согласилась бы обходиться — электричество, водопровод, телефон. В общем, Макс и Маргарет были на редкость радушными хозяевами, и наши обеспеченные поклонницы института брака возвращались в «Скачок в будущее» после каждого последующего развода. Если Маргарет пускала...

Блондинка по левую руку, которая с меня ростом, — одна из постоянных клиенток, Нина О'Малли. Макс и Маргарет ее обожали. Сэм тоже. Да и я ее полюбил... правда, не сразу. А это Эмили Соммер — они с Ниной вместе бедокурили. Странно, Эмили сейчас уже старушка, если вообще... Дайте минутку, может, вспомню, как звали остальных дам.

У меня ведь была точно такая же фотография! Забавно, иногда не ценишь вещь, а потом потеряешь, и жалко... Вы не торопитесь? Тем летом столько всего творилось — вам на несколько книг хватит. Случилась эта история под самый конец моего пребывания на ранчо, и я помню все до мельчайших подробностей. А ведь уже пятьдесят лет прошло. Не верится...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Штат Невада, июнь 1938 года

Забирать Нину с аэродрома я должен был на дилижансе.

Этот дилижанс гнил под брезентом в амбаре где-то в Вирджинии-Сити. Макс с декоратором его откопали, когда искали атрибуты для ранчо. Макс тут же решил, что это хитрый рекламный ход — встречать на нем гостей. Потом скрипучую колымагу подремонтировали, подкрасили и нарисовали на дверях пегаса. Да-да. Пегаса, прыгающего через надпись в форме кольца. Надпись гласила: «Скачок в будущее» — настоящее ковбойское ранчо». Макс еще собирался добавить слоган: «Не отчаивайтесь! В другой раз повезет!» (как говаривал судья из Рино, когда ударом молотка превращал очередную замужнюю даму в разведенную), однако разумная Маргарет запретила.

Уж не знаю, сколько Макс заплатил, но наш ретротранспорт окупился сполна. Когда гости виде-

В ДРУГОЙ РАЗ ПОВЕЗЕТ!

ли, какой экипаж за ними прибыл, их лица всегда светлели. В глазах читалась надежда: не все еще потеряно, раз на платформе ждет красавчик-ковбой, который погрузит меня и гору чемоданов в карету и увезет за горизонт. Макс величал нашу колымагу «социализатором» — утверждал, что час немилосердной тряски в дилижансе сближает дам, изначально имеющих мало общего — кроме богатства и неурядиц на семейном фронте. Они вылезали уже подружками, пусть не на всю жизнь, но хотя бы на время пребывания (дальнейшее нас не особо интересовало).

В день приезда Нины я, скинув рубашку, запрягал в дилижанс четыре из шести имеющихся в хозяйстве лошадей. Матушка в обморок упала бы, застукай она меня в таком виде (не дай бог кто-то из дам увидит!). А Макс велел всегда работать голыми по пояс, если только погода позволяла, — в качестве приятного бонуса для клиентуры. Некоторые состоятельные гости никогда раньше не видели играющих мускулов... и физического труда как такового.

В тот день я совсем не возражал слегка раздеться, так как жара стояла немилосердная. К тому же дам поблизости все равно не наблюдалось — Сэм вызвался отвезти всех в город на «Шевроле». Маргарет была в доме, как всегда по уши в делах — поди обслужи восемь клиенток сразу, а у нас меньше, как ни крути, не бывало. Макс отправился в

ДЖУЛИЯ КЛЭЙБОРН ДЖОНСОН

суд в качестве свидетеля с одной отъезжающей гостьей — клясться на Библии, что Сюзи не пересекала границу штата в последние шесть недель. После чего судья провозгласит ее полноправной жительницей штата Невада (причем разведенной), и ей ничто не помешает тут же сесть на поезд и отправиться домой, в Чикаго.

Оказалось, в город уехали не все...

Эмили прибыла из Сан-Франциско несколько дней назад, прикатила одним прекрасным вечером на автомобиле марки «Пирс Эрроу». Она отмахала в одиночку больше двухсот миль, подложив на сиденье большую подушку — иначе дорогу из-за руля не видела. Въехала во двор незадолго до темноты — верх поднят, непокрытые волосы всклокочены ветром. В это время года темнеет в районе девяти, и ее появление вызвало настоящий переполох среди наших гостей, а также куриц — и те и другие как раз собирались ложиться спать. Как только багаж забрали и остывающий мотор перестал потрескивать, несколько куриц устроились на лобовом стекле, а амбарные кошки пришли поточить когти о сиденья. Я выгнал живность и поставил седан в амбаре рядом с дилижансом, затем накрыл его брезентом — тем самым, под которым когда-то хранился «ретросоциализатор».

Все восхищались смелостью Эмили — проделать в одиночку столь долгий и опасный путь.

В ДРУГОЙ РАЗ ПОВЕЗЕТ!

— Это не смелость, — ответила та. — Это отчаяние. Если бы не уехала сейчас — никогда уже не решилась бы.

Манера речи у нее была интеллигентная — не иначе как училась во всех колледжах «Семи сестер» сразу, а голос неожиданно громкий и резкий, особенно при ее миниатюрности.

— Дорогуша, что с вашим голосом? — спросила одна из дам. — Это, наверное, от стресса?

— О, это мой обычный голос, — ответила Эмили. — Когда мне было пять, все умилялись, а сейчас... — Она пожала плечами и помотала головой. — Как гвоздем по стеклу царапашешь... так утверждает мой благоверный. И да — я ужасно перенервничала.

За пару дней под крылышком у Маргарет Эмили вполне оправилась. Я как раз заканчивал запрягать лошадей, чтобы ехать на аэродром, когда она неожиданно возникла рядом.

— Настоящий Кэри Грант в ковбойских сапогах, — сказала она.

На ней тоже были сапоги и свободное летнее платье. Сейчас такое часто можно увидеть, а тогда было в новинку. Эмили всегда выделялась на фоне остальных: богатые дамочки носили высокие сапоги и брюки для верховой езды (узкие снизу, широкие сверху — на манер индийских шаровар) или же купленные в Рино модные одежды а-ля Дикий Запад,

которые ни за что не надели бы дома. Прически тоже были однотипные — все залакированные, волосок к волоску, и все, вопреки законам природы, блондинки. Сэм говорил, «маскировочный окрас», потому как неизвестно, что за ним скрывается. Эмили же ходила с копной непослушных темных кудряшек — тугих, как пружинка матраса, так и тянуло распрямить и отпустить, чтобы свернулась обратно. У нее были широко посаженные карие глаза и кукольные губки, которые в сочетании с маленьким ростом придавали ей вид не по годам умного и мрачного ребенка. Образ распался, как только она открывала рот и слышался ее далеко не ангельский голосок. Меня чуть удар не хватил, когда она со мной заговорила, — я-то думал, гости уехали в город.

— Простите, — смутилась Эмили. — Не хотела напугать.

— Да, мэм, признаюсь, застали врасплох...

Я задумался, пока запрягал лошадей, — вспоминал одну залакированную блондинку, ради которой рискнул работой прошлым летом. Как же ее звали?.. То ли Рэйчел, то ли Митси. Нет, кажется, Лора... или Лори... Забавно, а еще собирался помнить до самой смерти! Как бы не так... Помню только круглые изумрудные сережки размером с дверную ручку. Сережки подходили под цвет глаз, и она их не снимала ни днем, ни ночью. Я тогда подумал, что стоят они, как дом родителей до Черного четверга.